Культура. — 1993. — 30 апр. — С. 1.

ВИВАТ, ВИВАЛЬДИ! ВИВАТ, ВАСИЛЬЕВ!

С 10 по 23 мая творческое объединение «Дом Вивальди», одним из учредителей которого стала и наша газета, проводит фестиваль балета и музыки в честь Владимира Васильева. Событие это уникальное. В самом деле, подобных праздников, посвященных одному артисту, вдобавок пребывающему в добром здравии, полному сил и творческих замыслов, нет на памяти. Но что такое фестиваль для самого Васильева? Возможность оглянуться на пройденный путь? Подведение некоторых итогов?

Ответы артиста на эти и другие вопросы на 8-й странице.

Культура. — 1993. — 30 апр. — С. 8.

ВИВАТ, ВИВАЛЬДИ! ВИВАТ, ВАСИЛЬЕВ!

В преддверии фестиваля балета и музыки, проводимого «Домом Вивальди» в честь Владимира Васильева, виновник торжества говорит:

— Нет, я не подвожу итоги, фестиваль скорее ретроспектива, исключительно для меня важная. Дело в том, что у меня никогда не было своего театра, я работал с разными труппами. И очень счастлив, что «Дом Вивальди» предоставляет возможность показать сразу все мои балеты, живущие сейчас на разных московских сценах. Знаменательно, что показаны они будут на сцене Кремлевского Дворца, где я более двадцати лет назад поставил свой первый балет, который сейчас уже не идет,— «Икар».

В программу вошли работы последних лет — «Макбет», «Анюта», «Ромео и Джульетта», «Золушка» и «Фрагменты одной биографии», на открытии и закрытии будут сюрпризы. Первый — новые миниатюры на музыку Леопольда Моцарта, Вольфганга Амадея Моцарта, Вивальди, Крейслера и Гершвина. Второй — мастер-класс. Я давал много таких классов в разных странах. Мастер-класс предполагает высокий профессиональный уровень участников, и я надеюсь, что в нем примут участие ведущие московские артисты. Это будет не заранее подготовленное театрализованное представление, а экспромт, который, полагаю, заинтересует публику, большей частью не представляющую, как «выглядит» ежедневный труд балетного артиста.

— Фестивалю сопутствуют две даты: 45 лет со дня вашего первого выхода на сцену и 35 лет творческой деятельности. Вы помните, как это все у вас начиналось?

— Когда фестиваль уже стал делом решенным, ко мне, как знаки судьбы, пришли «нужные» воспоминания. Я вспомнил, что в мае 1948 года (мне было 8 лет) хореографический ансамбль Дома пионеров, в котором я танцевал, привезли выступить в Большом театре. Я исполнял русский и украинский танцы и тогда, на том концерте, впервые увидел танец классический — адажио из «Тщетной предосторожности». Через год я поступил в Московское хореографическое училище, а по окончании его в 58-м году был принят в театр.

— Какая была ваша первая партия?

— Я ее исполнил практически в первые же дни работы — цыганский танец в опере «Русалка». Через месяц я танцевал Пана в «Вальпургиевой ночи». И вскоре — «Шопениану» с Галиной Сергеевной Улановой. Тогда я выходил на сцену чуть ли не ежедневно.

— Каждый балет фестивальной афиши — частица вашей жизни. Но есть ли среди них особенно любимый вами спектакль или такой, что вы считаете наиболее удачным?

— Любимы все. А удачные? Мне кажется, балет «Ромео и Джульетта» наиболее получился с точки зрения драматургии, а в смысле цельности, законченности режиссуры — «Анюта». Чисто хореографически, по-моему, интересны миниатюры, где каждое движение выверенно и единственно, как строчка, даже как слово в стихотворении.

— Идут ли ваши спектакли за рубежом?

— «Макбет» — в Берлине и Будапеште. В Американском балетном театре я поставил «Дон Кихота». Через неделю состоится премьера «Ромео и Джульетты» в Вильнюсе, теперь тоже ставшем заграничным городом.

— Знаменитый архитектор Ле Корбюзье сказал, что каждый мост построен любовью к женщине. Для всего мира Васильев неотделим от Максимовой, и ваш дуэт, как его ласково называют «Катя—Володя»,— единое целое. Вы ведь и много ставили для Кати. В общем, я хочу сказать, что слова «в честь Васильева» подразумевают и «в честь Максимовой». Она — ваша муза, не так ли?

— Конечно. Об этом мой балет «Фрагменты одной биографии», где Катя танцует главную героиню. Она в нем, как и в жизни,— и моя любовь, и совесть. Она — все. И в то же время тот идеал, который недостижим.

— Ваш творческий путь — блистательного танцовщика и оригинального хореографа, получившего признание в Европе и Америке,— представляется непрерывным восхождением. Так и было на самом деле или все-таки случались и неудачи, срывы?

— Видите ли, невозможно подниматься в гору «ровно». Есть препятствия: перевалы, щели и даже пропасти. Иногда, прежде чем шагнуть, надо подумать, рассчитать силы. Но для меня главное — постоянно взбираться. Лишь бы не стоять на месте — и тогда состоится жизнь в искусстве!

— Ваш последний спектакль в Большом театре — «Анюта» — сделан семь лет назад. После премьеры вас спрашивали, будете ли вы еще что-нибудь ставить в Большом, а вы ответили, что поставите, если дадут. Но с тех пор ничего — почему?

— Я подал много заявок, и все они остались без ответа. Не думаю, что артисты театра не хотели бы со мной работать, но... У меня уже нет иллюзий. Я смирился, что ли. С тех пор поставил «Ромео и Джульетту» в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко и «Золушку» в Кремлевском театре балета, который, кстати, вернул и моего «Макбета», выпавшего из репертуара Большого. Конечно, есть такие балеты, которые я задумал и могу сделать только на сцене Большого или Мариинки. Это «Месса» Баха и «Лебединое озеро». Но, видимо, я скорее умру, чем дождусь, что мне дадут там поставить. Поэтому в будущем году начну репетировать «Лебединое» в Кремлевском балете.

— Вы участвуете во многих благотворительных акциях. Вот и этот фестиваль, по вашему предложению, соберет деньги для ветеранов сцены. Я знаю, что вы часто помогаете тем, кто нуждается. Это ваш принцип?

— Нет, не принцип. Может, я и вовсе беспринципный человек. Но я убежден, что главное назначение человека на этой земле — делать добро. Не всегда, правда, получается, но стремиться надо.

— Вы пишете пейзажи, вас увлекает процесс киносъемок. Как вы полагаете, если бы судьба не сделала вас танцовщиком, стали бы вы художником или режиссером?

— Да, я занимаюсь живописью, скульптурой, люблю многие искусства, но в них я дилетант. Богом дано творить мне в танце, и именно в нем я раскрываюсь полностью.

— Эдгар По, который был не только поэтом и автором замысловатых детективных сюжетов, но писал еще и нравственные наставления, предложил своего рода формулу счастья. В ней четыре «пункта»: жить на природе, быть любимым, отказаться от честолюбивых замыслов и творить. Можете ли вы с этим согласиться?

— Никогда в жизни. Формулы счастья нет и быть не может. Я знаю массу людей, живущих на природе, но несчастливых. А творческому человеку нельзя не быть честолюбивым. Иначе он не добьется высот.

Счастье — это нечто эфемерное, мгновение, которое трудно ухватить, даже ощутить и которое можно оценить только потом, когда оно уже прошло. Ведь иногда счастье — глоток воды, глоток свежего воздуха, утихшая боль, умиротворение после пережитых страданий. Но ведь вся жизнь складывается из мгновений.

— А вы считаете себя счастливым человеком?

— Отвечу так: я был счастлив много раз. Это точнее. Надеюсь пережить мгновения счастья на фестивале и потом вспоминать о нем как о счастливом событии, если, конечно, он пройдет так, как мы его задумали.

Беседу вела
Светлана САМСОНОВА.